MODERN GEOSTRATEGIC CONCEPTS THE POLITICAL ELITES OF THE CASPIAN STATES

Konstantin A. Markelov (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: aspu[at]aspu.edu.ru
ORCID 0000-0001-8218-4496

Abstract

The formation of modern geostrategic concepts of the Caspian states is going through a complex process of formation and practical implementation. Political elites, who are vitally interested in ensuring the security regime for their states and the development of integration processes, are directly involved in the formation of these strategies. The ability of the political elites to negotiate the most complex issues of our time determines how these countries overcome the crisis situations that arise between them from time to time. The world is gradually approaching a dangerous line beyond which the existing order can rapidly collapse and create an uncontrollable stream of chaos. The author considers such a state of things unacceptable and gives an example of the constructive behavior of the political elites of the Caspian five.

The main objective of this study is to clarify the general algorithms of the geopolitical strategies of the Caspian states in resolving the most significant threats and challenges of our time. The author answers the question of how the political elites of these countries develop common principles and approaches in solving the key problems of our time, the main of which is the topic of collective regional security. The solution to this issue directly depends on the depth and quality of the integration processes taking place here. Integration is becoming the main link in the regional security system, since it helps to reduce the development of existing risks and prevent the onset of possible external threats.

Keywords

geopolitics; ethnoelites; political leadership; geostrategy; “The Great Caspian Sea”; national interests; safety; threats and challenges; regional projects; global and regional conflicts; integration

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Маркелов Константин Алексеевич (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: aspu[at]aspu.edu.ru
ORCID 0000-0001-8218-4496

Аннотация

Формирование современных геостратегических концепций Прикаспийских государств, проходит через сложный процесс становления и практического внедрения, который сопровождается необходимостью урегулирования многочисленных противоречий, существующих внутри этого политико-экономического сообщества. Непосредственное участие в формировании этих стратегий принимают политические элиты, кровно заинтересованные в обеспечении режима безопасности для своих государств и развития интеграционных процессов. Именно от умения политических элит договариваться по самым сложным вопросам современности зависит то, насколько эти страны преодолевают время от времени возникающие между ними кризисные ситуации. А подобные конфликты в современном мире множатся с каждым годом. Мир постепенно подходит к опасной черте, за которой существующий порядок может стремительно разрушиться и создать неуправляемый поток хаоса. Автор считает подобное положение дел недопустимым и предлагает в качестве примера конструктивное поведение политических элит каспийской пятёрки (России, Азербайджана, Ирана, Туркменистана и Казахстана), которой удалось договориться об общих правилах игры в регионе «Большого Каспия».

Основной задачей настоящего исследования является выяснение общих алгоритмов геополитических стратегий Прикаспийских государств в деле разрешения наиболее значимых для всех угроз и вызовов современности. Автор отвечает на вопрос, каким образом политические элиты этих стран разрабатывают общие принципы и подходы в деле решения узловых проблем современности, главной из которых является тема коллективной региональной безопасности. Решение этого вопроса напрямую зависит от глубины и качества проходящих здесь интеграционных процессов. Интеграция становится главным звеном в системе региональной безопасности, поскольку позволяет снизить развитие существующих рисков и предотвратить наступление возможных угроз извне.

Ключевые слова

геополитика; этноэлиты; политическое руководство; геостратегии; «Большой Каспий»; национальные интересы; безопасность; угрозы и вызовы; региональные проекты; глобальные и региональные конфликты; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Длительное время после распада СССР вновь образовавшиеся государства Каспийского региона не могли выработать единого механизма правового регулирования своих международных отношений. Только в 2018 г. ими, наконец, была подписана Конвенция, которая стала своего рода «Каспийской Конституцией». Важность этого документа трудно переоценить. Он подчеркивает и закрепляет существующий в настоящее время консенсус политических элит стран этого региона.

По оценкам современной геополитической науки каспийский регион занимает важное место в системе большого евразийского пространства, являясь его осевой частью. Еще в начале XX в. британский геополитик Х.Дж. Маккиндер (1861–1947) указывал на то, что «Сердце Мира» («*Heartland*», буквально «сердцевина») это пространства Евразии, в котором существует некий внутренний регион, выполняющий функции ее оси (MacKinder., 1951). Этим внутренним регионом Большой Евразии был каспийский осевой регион. В последующем именно англосаксонская геополитическая стратегия (в лице таких ее наиболее известных авторитетов, таких как Г. Киссинджер и З. Бжезинский) неоднократно подчеркивала важность этого региона и необходимость стратегического вмешательства США в дела этих государств.

В настоящей работе мы намерены дать анализ тем геополитическим стратегиям, которые отражают региональные позиции и являются взглядом на это геополитическое пространство непосредственно из него самого. Это политическая самооценка и геополитическое самопонимание стран входящих в т.н. «каспийскую пятерку».

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве *объекта* настоящей работы выступают разрабатываемые в настоящее время Прикаспийскими государствами геополитические стратегии, а в качестве *предмета* – выработка алгоритмов и механизмов обеспечения безопасности и купирования угроз. В работе были применены как общенаучные *методы* (анализа, дедукции и индукции), так и прикладные (компаративистика, статистики, институциональный метод и др.). При этом акцент делается именно на роль политических элит в разработке геополитических стратегий своих государств и их применений в новейших международных условиях.

Автором неоднократно уже отмечалось, что «системный анализ геополитических процессов региона Большого Каспия, позволит более точно поставить диагноз тем глубинным процессам, которые здесь происходят в самом начале XXI в.» (Маркелов, 2020, стр. 4). Известно, что системный подход требует постоянного добавления и уточнения уже имеющихся научных данных и настоящую статью следует рассматривать в качестве одного из таких добавлений.

В работе использовались труды, как отечественных (Гаджиев К.С., Дугин А.Г., Карабущенко П.Л., Магомедов А.К. и др.), так и зарубежных авторов (З. Бжезинский, Х. Ансари и др.), которые, так или иначе, рассматривали поставленную нами проблему.

КРИЗИС МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

В настоящее время мировое сообщество переживает геополитическую нестабильность, вызванную не только кризисом геостратегий, но и кризисом самой системы элит и политического лидерства. Данный кризис связан с потерей коллективным Западом своих лидирующих позиций и переформатирования ситуации с мировыми «центрами силы». Геополитическая карта мира меняет свои «магнитные полюса». «Геополитические «магнитные полюса» (центры силы) указывают на то, какие гравитационные силы притяжения или отторжения действуют в мировом сообществе, и как они в силу этих указанных сил распределяются на лидеров и аутсайдеров. Настоящая эпоха характеризуется мучительным для коллективного Запада процессом слома монополярного и строительства многополярного мироустройства. Это весьма болезненный процесс. За последнее столетие Запад привык жить под «американским зонтиком» и разучился самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения. Сразу отказаться от этого нельзя, потому что есть «ужасная Россия», демонизация которой в настоящее время достигла своего апогея» (Карабущенко, 2020, стр. 175). Меняется статус и Каспийского региона, вокруг которого происходит заметная активизация международной напряженности.

Исторически в зоне Большого Каспийского региона происходили события, которые отражались на политическом климате всего евразийского пространства. И в настоящее время он продолжает являться центром повышенного стратегического значения. Американские аналитики признают, что «сегодня здесь имеет место столкновение четырёх мировых держав: России, Китая, Соединенных Штатов Америки и Европы, которые имеют разнообразия причины своего ин-

тереса к Каспию и иногда противоречивые интересы. В результате растущей конкуренции, Большой Каспийский Регион приобретает глобальное стратегическое значение» (Hoagland, 2019, стр. 11). Именно каспийский регион условно можно называть «кухней» геополитической погоды в Евразии и в мире в целом. И всякая нестабильность вокруг этого осевого региона Евразии чревата ростом угроз во всем мире.

Геополитическая нестабильность приводит к тому, что правовые способы разрешения конфликтом оказываются малоэффективными и стороны все чаще прибегают к силовым сценариям. В 2019-2020 гг. стала накаляться ситуация вокруг Нагорного Карабаха, когда позиции официального Баку и Еревана по урегулированию этого вопроса стали расходиться в диаметрально противоположные стороны. Напомним, что все это происходит около российской границы и Москва не может оставаться в стороне от этих событий. Кремль внимательно следит за развитием ситуации и предлагает свои посреднические услуги. В случае разрастания этого конфликта, проживающие на ее территории армянская и азербайджанская диаспоры (примерно по 3 миллиона человек) могут серьезно дестабилизировать ситуацию и в самой России. Исторически именно Россия и только Россия выступала главным фактором стабилизации и налаживания переговорного процесса в этом регионе. Её миротворческий опыт должен, в конце концов, разрешить и этот затянувшийся многолетний конфликт.

Другой областью региональной напряженности, имеющей мировое значение, является ядерная программа Ирана и связанные с ней санкции. США в эпоху президентства Д. Трампа самым настоящим образом выкручивают руки всем своим союзникам, чтобы ввести против Тегерана дополнительные санкции. Белый дом многократно предпринимал усилия, чтобы помешать мирной ядерной программе Ирана, под предлогом опасности ее двойного назначения. Именно США вышли из важнейшего многостороннего соглашения о ядерной программе Ирана 2015 года (СВПД) и, по сути, поставили себя вне международного механизма контроля за иранскими разработками в этой сфере.

Потерпев предсказуемое фиаско на дипломатическом фронте, Вашингтон вернулся к более привычному для него языку ультиматумов и санкций. Продолжая традиции американского глобального лидерства, США используют политику «ответственных действий», суть которых состоит в том, чтобы давить на своих конкурентов неправовыми средствами - репрессии вместо дипломатии, а «традиции лидерства» — это действия наперекор всему международному сообществу.

МИД России и Ирана постоянно заявляли о недопустимости и нелегитимности односторонних ограничительных мер, которые нацелены на блокирование внешнеэкономических связей Тегерана.

Наблюдаемая в настоящее время геополитическая нестабильность современного мира, вызвана все явно обнаруживающим себя в последние десятилетия крахом политических элит монополярной системы. Еще в 1990-е гг. по утверждению идеологов монополярного мира, господство США не может подвергаться никакому сомнению и оспариваться, кем бы то ни было. Речь фактически шла о закреплении за США на все времена статуса единственной великой сверхдержавы. (Huntington, 1996; Brzeziński, 1997). Но наступили 2010-е гг. и выяснилось, что гегемония США подмочена их политической репутацией и возникшими экономическими трудностями. Выход Китая на передовые позиции поставил США в весьма затруднительное положение (Аксёнова, 2018). Мир оказался не столь уж подконтрольным и управляемым из Вашингтона.

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «БОЛЬШОЙ КАСПИЙ РЕГИОН»

Разворачивая сущность концепта «Большой Каспий», автор исходит из того, что важнейшей задачей геополитики является моделирование новых конструкций, которые бы с предельной ясностью и точностью объясняли нам происходящие в мировом процессе изменения. Согласно предложенной нами модели, «*Большой Каспий*» – обозначает геополитический регион, который представляет собой сложное политико-географическое формирование, включающее в себя пять государств непосредственно самого Каспийского региона (Россия, Иран, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан) и сопредельные с ними страны (региона Большого Кавказа и Средней Азии), образующие единое географическое и историческое пространство¹.

В разрабатываемый США проект «Большой Каспий» («The Greater Caspianregion») они включают не только «каспийскую пятерку», но и сопредельные с ним страны – Армения, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, т.е., все страны, республики бывшего Советского Союза (Сергунин & Тихонов, 2009, стр. 30;

¹ Геополитическая геометрия различает две зоны внутри Большого Каспийского региона: 1) зона непосредственно самих пяти государств (Россия, Казахстан, Туркменистан, Иран и Азербайджан), расположенных на побережья Каспийского моря и 2) зона т.н. Прикаспийских государств, которые непосредственного выхода к морю не имеют, но испытывают на себя влияние всех тех процессов, которые там происходят (Армения, Ирак, Турция, Грузия, страны Центральной Азии и даже Афганистан и в известном смысле Пакистан) (Маркелов, 2020, стр. 25).

Noagland, 2019, p. 12). Информация о процессах региона Большого Каспия часто оказывается в тени более громких и более стремительно развивающихся процессов соседних регионов. Относительное спокойствие этого региона может быть объяснено более высоким уровнем государственности (стабильности политических институтов), чем стран соседних регионов с ограниченной суверенностью и более глубокими этно-экономическими проблемами (Маркелов, 2020, стр. 25-26).

Развивающийся в настоящее время в российской политической науке геополитический концепт *«регион Большой Каспий»* (РБК), обосновывается ростом к нему интереса со стороны глобальных игроков, а так же тем, что в последнее время страны этого региона начали играть все более заметную роль в мировых процессах, что приводит их к столкновению со странами в прошлом претендовавшими на мировое лидерство. «Конструктор регион Большой Каспийский постепенно становится частью политического мировоззрения научных и политических элит. Посредством этой категории они облегчают себе процесс осмысления тех геополитических и геоэкономических процессов, которые происходят здесь при их непосредственном участии. Она позволяет им моделировать ситуацию, предвосхищать события, адекватно конструировать собственные проекты» (Маркелов, 2020, стр. 13).

Как идейный конструкт (схема, модель), *«Регион Большой Каспийский»* стремится подчеркнуть особенность стран этого региона, наличие некоего специального смысла, который заключается в том, чтобы создать для этих государств условия максимально благоприятные для их совместного процветания.

Анализ особенностей геополитических стратегий основных субъектов региона Большой Каспий, выявил наличие в них общей базовой позиции, а именно – принадлежность к многовекторной международной политике и ориентацию на систему многополярных отношений². При этом западные аналитики целенаправленно накачивают этот регион всякого рода негативными характеристиками, стремясь доказать пагубность самостоятельной политики стран этого региона, отказавшихся от геополитического «покровительства» США и начавших проводить свои независимые внешнеполитические курсы. Два госу-

² В этой связи считаем необходимым заметить, что в настоящее время политика многовекторности свойственна многим странам. Но есть одна весьма существенная особенность. Если такие державы как Россия и Китай могут её себе позволить, то для стран более мелкого геополитического масштаба (Белоруссия, Азербайджан или Армения) она оказывается фикцией, поскольку у этих стран не оказывается должных ресурсов для ее осуществления.

дарства Каспийского региона (Россия и Иран) находятся в «черных списках» США, а две другие (Китай и Индия) считаются потенциальными конкурентами в мире. В 2010-е гг. Евразия стала ареной не только военных столкновений, но и зоной ожесточенной информационной войны соперничающих на этом геополитическом пространстве государств (Маркелов, 2020, стр. 14).

Концепция «Большой Каспий» увязывается нами с концептом Евразии «Сердца Мира». Напомним, что термин «Хартленд» («*Heartland*») использовался Х. Маккиндером в сочетании с оборотами «осевое пространство» и «осевое государство» (Маккиндер, 2007)³. Сам он рассматривает «Хартленд» в качестве самого ценного региона Земли, справедливо считая, что тот, кто его контролирует, имеет значительный вес и в остальных мировых процессах.

В рамках этого концепта следует также напомнить, что некоторые геополитики (например, Д. Хусон) считали, что понятие хартленд имеет не столько геополитический, сколько географический смысл и характеризует наиболее важные внутренние части любого государства. Так, под «советским хартлендом» Д. Хусон понимал территорию между средним течением Волги и озером Байкал, имеющую как богатые ресурсы, так и значительное население (Hooson, 1962).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

Евразия является объектом повышенного геостратегического внимания для многих стран, позиционирующих себя в качестве мировых лидеров. Так, для США вопрос Евразии является ключевым вопросом их мирового господства. З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» отмечал, что хотя США «расположены далеко,

³ Разъясняя смысл этого термина, Х. Маккиндер писал: «Хартленд — это северная и внутренняя часть Евро-Азии. Он простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы. Но это понятие не допускает скрупулезно-дотошного определения на карте, потому что основывается на трех разных физико-географических аспектах, которые, хотя и подкрепляют друг друга, совпадают не до конца. Прежде всего, мы имеем в этом регионе широчайшую из низменных равнин на поверхности земли. Во-вторых, через эту равнину протекают несколько больших судоходных рек: одни из них впадают на севере в Арктическое море и недоступны с океана, поскольку оно заморожено льдами, тогда как другие впадают в закрытые водоемы, вроде Каспия, из которых нет выхода в океан. В-третьих, здесь налицо зона пастбищ, которая лишь в последние полтора столетия прекратила предоставлять кочевникам-скотоводам на верблюдах и лошадях идеальные условия для развития высокой мобильности. ...Однако, - констатирует Х. Маккиндер, - простое исключение морской мобильности и морской мощи — это сугубо негативная, хотя и важная отличительная черта; а равнина и пояс пастбищ образовали позитивные условия, соответствующие другому типу мобильности, именно — свойственному степям. ...И все же, несмотря на эти явные несовпадения, хартленд (как понятие и представление) обеспечивает достаточный физико-географический базис для стратегической мысли» (Маккиндер, 2007)

их роль со ставкой на сохранение геополитического плюрализма в постсоветской Евразии просматривается на общем фоне как постоянно возрастающая по значимости в качестве косвенного действующего лица, явно заинтересованного не только в разработке ресурсов региона, но и в предотвращении того, чтобы только Россия доминировала на геополитическом пространстве региона. Действуя таким образом, Америка не только преследует масштабные стратегические цели в Евразии, но и демонстрирует свои растущие экономические интересы, а также интересы Европы и Дальнего Востока в получении неограниченного доступа к этому до сих пор закрытому району» (Brzeziński, 1997). Развивая далее свою мысль о мировом могуществе, тот же автор поясняет: «Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир» (1997). Именно постоянное вмешательство США в евразийские дела создает в этом регионе постоянную напряженность международных конфликтов. Именно США является главным провокатором конфронтации, поскольку иными средствами отстоять свои национальные интересы в этом регионе они не могут. Вывод: у США вообще не должно быть никаких интересов в Евразии – это не их регион.

Несмотря на то, что большинство геополитических стратегий стран каспийского региона всё ещё находится в начальной стадии своего развития, но уже сегодня угадывается контуры этой будущей каспийской геометрии – военная безопасность, экономическая интеграция, культурное сотрудничество, образовательная корпорация и коллаборация, участие в совместных перспективных проектах. Принятая каспийской пятеркой Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (12.08.2018 г.), открыла новую страницу в истории этого региона, определив новые геополитические и геоэкономические реалии и новый вектор их интеграционного развития.

Если в 1990-е гг. распространенной стратегией был поиск сотрудничества с сильными геополитическими игроками (главным образом лидерами западного мира), то в 2010-е гг. появилась уже евразийская альтернатива в лице Китая и Индии. Поэтому в настоящее время одним из направлений геополитических стратегий стран этого региона является стремление противостоять глобальным игрокам и добиваться своей экономической, политической и культурной самостоятельности. Исходя из этого, формируются и совсем другие геополитические стратегии стран этого региона.

Еще раз напомним, что тема политических элит самым тесным образом связана с проблемами урегулирования международных и региональных отношений (Магомедов, 1999; 2002; 2011). Особенностью каспийского региона является то, что его углеводородные богатства являются не только источником материального благосостояния региональных стран, но и причиной геополитической напряженности, вызванной постоянным вмешательством в его дела государств, расположенных далеко за его пределами. Эффективно противодействовать этим угрозам и призваны региональные интеграционные процессы.

Стремление выстроить свой собственный вектор геополитического развития обнаруживается в реализации собственных проектов, таких как МТК «Север-Юг» и «Один пояс – один путь». И хотя не все в этих проектах удастся сделать, но сам факт их наличия указывает на процесс начала формирования региональной идентичности.

Стратегии самой России в Евразии и в частности в Каспийском регионе определяются целым рядом традиций. В частности, речь идет о традиции присутствия России в этом регионе еще со времен Российской Империи. Выработанные в то время стратегии (взаимоотношения с этническими элитами, культурами и религиями) отчасти весьма успешно работают и в настоящее время. Если в 1990-е гг. Россия уступила свои позиции в Евразии, то в 2010-е гг. она постепенно начала возвращаться на геополитическую арену этого центрального мирового региона (Дугин, 2014).

Проводимая Россией внешняя политика усилила ее конфронтацию с коллективным Западом, который сам оказался полностью подконтрольным США. В основе политики России лежит принцип многовекторности, развитый еще Е.М. Примаковым. Именно им был сформулирован принцип многоуровневого учета международных интересов партнеров России и гибкого подхода в системном отстаивании своих собственных национальных позиций. По мнению Е.М. Примакова, США проводят весьма примитивную внешнюю политику, «т.к. исходят из незыблемости «американоцентризма» (все прочее «вращается» вокруг США и только). Такие суждения примитивны вдвойне, так как не учитывают заинтересованности СССР, а затем России в активном развитии отношений с этими быстро растущими азиатскими гигантами, население которых составляет половину всего человечества» (Примаков, 2016, Т.3, стр. 71).

В 2010-е гг. многие заговорили о формировании особой стратегической позиции официального Кремля, получившей название «*путинской большой стратегии*». Это политика направленная на возвраще-

ние России в число ведущих мировых держав, это выход из глубокого системного кризиса, грозившего полным распадом страны⁴. По мнению ведущих российских аналитиков, «Россия успела сосредоточиться и осталась верной самой себе, не пойдя предписанным ей Западом путем. По итогам холодной войны случилась крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, и Россия потеряла свое место в ряду государств «первого эшелона», участвующих в принятии решений. А к 2020 году Россия вернулась в разряд великих мировых держав» (Казаков, 2020, стр. 6).

В своей внешней политике официальный Азербайджан придерживается принципа нейтралитета и многовекторного культурно-экономического сотрудничества. Поэтому Баку заявляет, что ему всё равно, кому продавать газ, поскольку ему одинаково нравятся как проекты, предлагаемые и Россией, и ЕС, и Китаем (Зыгарь, 2009, стр. 4). Официальный Баку придерживается принципа многовекторной политики и стратегии «гибких альянсов». *Многовекторность* – «это возможность иметь гибкий курс, не примыкая ни к одной из геополитических группировок, но высоко ценить отношения с дружественными соседями и более далёкими друзьями» (Цыганов, 2008, стр. 10). Азербайджанские аналитики отмечают, что внешняя политика их государства при И. Алиеве стала «своеобразным эталоном выстраивания отношений нового типа в период нынешнего пересмотра регионального сотрудничества в масштабах СНГ. Внешнеполитическая парадигма самого И. Алиева звучит так: “Никто из нас, соседей в регионе, никуда не сможет из региона перейти. И если бы все имели такие соседские отношения, как Россия и Азербайджан, не было бы не только конфликтов, но и вообще недоразумений”» (стр. 10).

Перед азербайджанской элитой стоят 5 важных геополитических вопросов: Нагорный Карабах, Южный Азербайджан, демократизация, нефтепроводы и раздел Каспийского моря. Последняя задача была решена в рамках «Каспийской пятерки» в 2018 г. Две первые пробле-

⁴ Характеризуя эту стратегию, А. Казаков отмечал: «В международной политике, несмотря на фальшивые белозубые улыбки и лицемерные реверансы, Россия фактически потеряла субъектность. Идеологи и стратеги американской империи, по существу, предписывали России место «большого европейского национального государства», которое должно отказаться от влияния вовне, включая так называемое «ближнее зарубежье» с десятками миллионов соотечественников, и от своей исторической миссии. Эти предписания противоречили цивилизационному коду России, но как раз на это и был расчет – разорвать этот код и «переформатировать» Россию, разрушить религиозно-нравственную систему координат, «отключить» стремление к «горнему» и сделать для нашего народа доминирующим «земное», низовое и низменное, заразив его потребительским зудом. Все это для того, чтобы лишить нашу страну и наш народ воли к сопротивлению и к тому, чтобы оставаться самим собой без стыда перед потомками и без предательства предков» (Казаков, 2020, стр. 5).

мы носят фундаментальный характер и, как нам кажется, решению в обозримом будущем не подлежат. Две остальные проблемы решаются в рамках геостратегических планов, которые тоже требуют и времени и наличия определенных ресурсов. Но если нефтепроводы – проблема, упирающаяся в экономические и технологические возможности, то демократизация носит куда более гуманитарный и политический характер.

Геополитическая стратегия Исламской республики Иран (ИРИ) исходит из главного тезиса исламской революции 1979 г. – задачи спасения мира от мирового зла и установления справедливого шиитского режима правления. Они верят в шиитскую доктрину возвращения двенадцатого имама Махди, что будет означать торжество справедливости и законпорядка (Агаев, 1989, стр. 83). Мессианские корни Исламской революции проявляются в том, что иранское руководство стремится объединить все политические силы, которые разделяют их идеи, в единую надгосударственную систему (Мамедова, 2001, стр. 55). Среди исламских идеологов распространена идея о необходимости ликвидировать национализм во всех его проявлениях, особенно в форме «нация – государство» (Жданов, 2003, стр. 24). Принятая доктрина утверждает, что весь мир разделён на две части – «область веры (ислама)» и «область войны» (неверных). «Область веры (или ислама)» включает все страны, которые находятся под властью клерикальных исламских правительств (они управляются на основе шариата); к «области войны» относятся как страны, населённые «неверными», так и те мусульманские страны которые находятся под властью «неверных» правителей (Ансари, 1999, стр. 23).

Согласно идеологическим постулатам Исламской революции, в геополитической стратегии Тегерана утвердился тезис об экспорте исламской революции по иранскому образцу в другие страны. Этот экспорт предполагает три способа: мирный (пропагандистский), полувойенный и военный. По утверждению самого Хомейни, «целью великой священной войны является свержение всех навязанных извне тиранических и псевдомусульманских режимов сначала в рамках мусульманского мира, а затем и в глобальном масштабе, освобождение мусульманского отечества для создания мирового исламского государства» (Имам Хомейни, 1999, стр. 94).

Весьма широкое распространение получил также и концепт «диалога культур». Еще во время своей инаугурационной речи 1997 г. президент Ирана (1997 – 2003 гг.) С.М. Хатами заявил: «Диалог между цивилизациями – необходимость в современном мире. Любая ак-

ция, которая может вызвать международную напряжённость, будет избегаться. Мы будем иметь отношения с каждым государством, которое уважает нашу независимость. Но мы будем выступать против тех доминирующих держав, которые пытаются навязать нам свою волю» (Гаджиев, 2010, стр. 411)

Во внешней политике Туркменистан чётко придерживался политики «позитивного нейтралитета» – не вмешиваться ни в какие дела и не комментировать никакие события. Туркменистан так существует на мировой арене, как будто бы его там и нет. Свой нейтральный статус Туркменистан пытается строить на принципах других нейтральных стран (Маркелов, 2020, стр. 130). Во внешней политике официальный Ашхабад придерживается принципа многовекторности (Горак, 2007, стр. 66). Первый президент Туркменистана (1991 – 2006 гг.) Туркменбаши («глава туркмен») Сапармурат Ниязов (1940–2006) утверждал, что «каждая страна имеет право выбирать свой политический курс, самостоятельно решать внутренние проблемы и противоречия» (Ниязов, 2001, стр. 5). По мнению самих туркменских аналитиков, нейтралитет в современных условиях является наиболее приемлемой моделью реализации национальных интересов, отвечает историческим, геополитическим, этнокультурным реалиям страны. Нейтральный статус предусматривает соблюдения нескольких основополагающих принципов: 1) он должен быть признан мировым сообществом; 2) *по форме* должен носить постоянный характер, то есть не ограниченным во времени и действующим как в военное, так и в мирное время; 3) *по содержанию* – позитивным или конструктивным, что подразумевает активную позицию государства в вопросах поддержки мира и стабильности, развития отношений дружбы и сотрудничества между государствами, это цель и средство вхождения в мировое сообщество путем согласия и партнерства (Агамамедова, 2003).

Для соблюдения статуса нейтральной страны необходимо придерживаться как минимум двух принципов – иметь стабильно мирные границы со всеми соседями и проводить политику «открытых дверей» (Агамамедова, 2003). Политические элиты Туркменистана ставят перед собой стратегическую цель – превратить Ашхабад в миротворческий центр Центральной Азии. Для этого Туркменистану необходимо вовлечь в свои экономические проекты (в частности строительство газопроводов) соседние государства. Поэтому в определении своей внешней политики власти Туркменистана на первое место ставят всегда приоритет экономических отношений. «Нейтралитет Туркменистана – с экономико-правовой точки зрения – способ-

ствуется привлечению иностранных инвестиций в разработку важнейших проектов XXI века по освоению недр Каспийского моря, выводу энергоносителей на мировые рынки» (2003).

Во внешней политике Казахстан с самого начала придерживался принципа многовекторности и стремился задействовать все доступные внешнеполитические ресурсы для целей национального развития. В 1992 г. Казахстан отказался от ядерного арсенала и пошёл на демонтаж своей ядерной инфраструктуры. Казахстан стал также одним из авторов инициативы по созданию ЗСЯО – Зоны свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан) (Михайлов, 2009, стр. 7).

Официальные лица Казахстана неоднократно заявляли о том, что «вопреки известной формуле об отсутствии вечных друзей и наличии вечных интересов Казахстан и Россия – страны, которым самой историей суждено быть вечными друзьями» (Муртаев, 2009, стр. 6). Эксперты отмечают, что «по мере возрастания международного авторитета Казахстана и его роли в мировых делах усиливается и внешнеполитическая связка Москвы и Астаны» (стр. 6).

О своих евразийских пристрастиях в свое время весьма много писал в своих книгах первый президент Казахстана (1991 – 2019 гг.) Н.А. Назарбаев (Назарбаев, 1997; 2005). Известно, что именно Казахстан выступил в марте 1994 г. инициатором создания Евразийского союза. Предложенная Н.А. Назарбаевым концепция базировалась на добровольной, равноправной интеграции, совместном политико-экономическом развитии постсоветских государств, общем продвижении стран СНГ на сильные позиции в глобальном мире. Во времена президентства Н.А. Назарбаева Казахстан стремится к тому, «чтобы самый большой материк планеты – Евразия – стал общим пространством мира и взаимопонимания народов» (Назарбаев, 2009, стр. 7). Назарбаев был «глубоко убеждён, что основанное на равенстве, добровольности и прагматичном интересе Евразийское сообщество может стать глобальным фактором мировой экономики и политики XXI в.» (Назарбаев, 2009, стр. 7).

Анализ имеющихся у стран каспийской пятерки заготовок геополитических стратегий указывает на их вполне конструктивный характер. Они не враждебны в отношении друг друга, что дает основания для достижения искомого консенсуса и использования исключительно мирных средств решения временами возникающих здесь конфликтных ситуаций. Разногласия усиливаются тогда, когда на них начинают

влиять геополитические догмы третьих стран, заинтересованных в де-эскалации данного региона.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ

Как показывает мировой опыт, важнейшим элементом в обеспечении коллективной безопасности являются интеграционные проекты в сфере экономики, политики и культуры. Политические элиты каспийской пятерки показали, что они умеют договариваться по принципиально важным проблемам, главным из которых был правовой статус Каспия. Следующим этапом региональной интеграции – создание и реализация взаимовыгодных экономических проектов, которые бы могли стать точками общего роста. Одна из точек такого роста вокруг которой могли бы объединиться каспийская пятерка – это проект МТК «Север-Юг». По заложенному в нем потенциалу, он может дать мощный толчок в развитии прикаспийской интеграции, напрямую связав ее со странами Западной Европы и Юго-Восточной Азии.

Проект МТК «Север-Юг» подтягивает к региональному интеграционному сотрудничеству такого крупного геополитического игрока как Индия. В XXI в. возрастает роль науки и научного сопровождения глобальных международных проектов. Одним из направлений такой работы являются и российско-индийские историко-культурные отношения, а также проблемы связанные с осуществлением проекта МТК «Север-Юг». В скорейшей реализации данного проекта в первую очередь заинтересована как российская, так и индийская сторона.

По оценкам российских экспертов, МТК «Север-Юг» способен в перспективе изменить весь мировой логистический расклад и вывести на глобальный уровень новых игроков (Вартумян, 2019; Косов, 2019; Лебедева, 2019; Магомедов, 2019). Его реализация в том виде, в котором он задуман его создателями, подорвет монополию США и Великобритании, контролирующих транспортные коридоры по экваториальной линии «Панама – Суэц» и обрушит акции их транспортных и страховых компаний. Помимо этого проекта в Евразии начала XXI столетия активно начал продвигаться еще один проект, связанный уже с китайской стороной.

Китайский проект «Один пояс и один путь» был выдвинут китайским руководством в 2010-х гг., как идея объединения проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Он стал «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР на ближайшие годы. Идея проекта была выдвинута председате-

лем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан и в Индонезию осенью 2013 г. Такая инициатива стала следствием успеха китайского развития, реализации Поднебесной т.н. «Пекинского консенсуса»⁵. Под финансовый контроль Китая к 2020 г. попали целые отрасли экономик многих развивающихся стран. Пекин вел хорошо продуманную и далеко идущую инвестиционную политику.

Присутствие Китая в Каспийском регионе видно на примере многостороннего сотрудничества Пекина, как с государствами Средней Азии, так и Южного Кавказа. Возникает угроза столкновения национальных интересов Москвы и Пекина на постсоветском пространстве. США по-своему обеспокоены продвижением Китая на запад Евразии. Вашингтон прямо называют одной из главных геополитических проблем – ирано-китайские нефтяные контракты, которые помогают Тегерану обходить санкции. *При этом Вашингтон забывает о том, что именно Китай помог во многом Штатам справиться с мировым финансово-экономическим кризисом 2008 г., когда экспортировал свою продукцию на рынки США на гигантскую сумму в 117 млрд. долларов* (Маркелов, 2020, стр. 137).

Москва и Пекин стремились согласовать китайский проект «Один пояс и один путь» и российскую политику «Большой Евразии», в основе которой лежит «охранительные» установки России как инициатора интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве (Kaczmarek, 2017). Согласование национальных интересов ради геополитического консенсуса – весьма сложная задача. И в первую очередь задача оказалась весьма трудной для политических элит обоих государств, поскольку совмещать ее приходилось с еще одним геополитическим проектом под названием «РИК». По мнению американских аналитиков, Москва и Пекин украли у Вашингтона ее геополитическую стратегию и сами на практике реализовали ее в 1996 г. в виде созданной ими Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В ШОС вошли почти все те страны, применительно к которым и разрабатывалась американская концепция Большой Центральной Азии (БЦА) (Sachdeva, 2006, p. 33).

⁵ «Пекинский консенсус» – политический концепт, сутью которого состоит в том, что основным инструментом достижения экономического процветания является сильное государство, управляемое эффективными лидерами, мало озабоченными степенью соответствия их действий западной ценностной матрице. (Marks, 2007) «Пекинский консенсус» предусматривает: 1) твердое осознание необходимости и самостремление к модернизации и инновациям, 2) сочетание долгосрочных целей и прагматичной тактики, 3) опора на национальный суверенитет и стабильный экономический рост, 4) социально-ориентированная экономика и «инструменты асимметричной силы» (например, значительные накопления государственных долговых обязательств иностранных государств) (Ramo, 2004).

В последние годы все чаще можно услышать призывы к развитию формата РИК – геополитического треугольника России, Индии и Китая. О перспективах развития РИК в свое время писали многие эксперты. В частности ими отмечалось, что данный вид глобального евразийского сотрудничества сделает весь этот регион неподконтрольным для США и их сателлитов (Уянаев, 2017, 2018; Время большого присутствия, 2019; Gou Changchao, 2019). Единственным серьезным препятствием на пути этого сближения, являются внутренние разногласия, которые существуют внутри этого геополитического треугольника, в частности конфликт интересов по целому ряду вопросов между Пекином и Дели (Malhotra, 2015; Gadimova & Nazrin, 2017).

В заключение представленного в настоящей работе материала, следует заметить, что общими стратегическими усилиями каспийской пятерки должно быть недопущение вмешательства в их дела третьих стран, в первую очередь США. Исключение этой деструктивной силы из политической повестки дня должно заметно оздоровить климат международных отношений, придать ему нужный вектор конструктивного интеграционного развития. И самое главное, страны Евразии должны воспользоваться представившейся им возможности самостоятельно (без посторонних подсказок) договориться о судьбе своего региона и выбрать оптимальный путь своего дальнейшего комплексного развития.

ВЫВОДЫ

Формирование современных геостратегических концепций Прикаспийских государств проходит через сложный и неоднозначный процесс доктринального оформления. Этот процесс становления связан с трудностями не только договорного характера, но и с трудностями его практического применения. Он существует на фоне острой необходимости постоянного регулирования многочисленных противоречий, существующих внутри этого прикаспийского сообщества. Пока региональным политическим элитам удастся сохранить хрупкий консенсус, который постоянно проходит у них через многочисленные геополитические испытания, связанные с постоянным вмешательством в дела этого регионе третьих заинтересованных стран.

В настоящее время мы наблюдаем процесс становления национальных геополитических стратегий стран Прикаспия, в которых активно принимают участие не только политические, но и научные элиты. Именно из них в идеале должны в будущем складываться общая (единая) концепция геополитики такого важного региона Евразии, как

Каспийский регион. В перспективе речь идет о совместной интеграционной политике, призванной обеспечить надежные институты и инструменты коллективной безопасности. Именно безопасность в предыдущие века была самой главной евразийской ценностью. Случавшиеся здесь конфликты были жестоки и кровавы. Наученными этими горькими историческими уроками ведущие страны Евразии должны выработать свой особый (приемлемый для всех) механизм обеспечения взаимопонимания и взаимоуважения. Именно от умения политических элит договариваться по самым сложным вопросам современности зависит то, насколько эти страны преодолевают время от времени возникающие между ними кризисные ситуации. А подобные конфликты в современном мире множатся с каждым годом. Мир подходит к опасной черте, за которой существующий порядок может разрушиться и создать неуправляемый поток хаоса.

Список литературы

- Brzeziński, Z. K. (1997). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic books October.
- Gadimova, N. (2017). "Trans-Caspian Transport Route: Saving Time." *Caspian News*.
- Gou Changchao. (2019). RIC (Russia - India - China) in the System of International Relations: Achievements and Challenges. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, (2), 202-209.
- Hoagland R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation, *Caspian Affairs Magazine*, 10-22.
- Hooson, D.J.M. (1962). A New Soviet Heartland? *The Geographical Journal*, 128(1), 19-29.
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
- Kaczmarek, M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union, *International Affairs*, 93(6), 1357–1376.
- MacKinder, H. J. (1951). *The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History*. London.
- Malhotra, A. (2015). *India-Russia-China: Is there a Case for Strategic Partnership?* New Delhi: Vij Books.
- Marks, S. (2007). Introduction. In Firoze M. Manji and Stephen Marks (eds.). *African perspective on China in Africa* (pp. 3-9). Cape Town: Fahamu.
- Ramo, J. C. (2004). *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center.

- Sachdeva, G. (2006). India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4(3).
- Агаев, С.А. (1989). Рухама Хомейни. *Вопросы истории*, (6), 79- 100.
- Агамамедова, З. (2003). Нейтралитет Туркменистана. *Международные процессы*, 1(3), 121-130.
- Аксёнова, К.И. (2018). Внешняя политика КНР: от утопии бесполярного мира к китайской «перезагрузке». *Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Политология*, (1), 22-27.
- Ансари, Х. (1999). *Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины*. Москва: Палей.
- Вартумян, А.А. (2019). Влияние транспортных артерий в каспийском регионе на геополитическое положение в Астраханской области. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 202-207.
- Время большого присутствия. Сотрудничество России, Индии и Китая выходит на новый уровень. (2019). *Российская газета*, 90(7848)
- Гаджиев, К.С. (2010). *Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка*. Москва: Экономика.
- Горак, С. (2007). Туркменистан после Туркменбаши: к вопросу о трансформации режимов личной власти. *ПОЛИТЭКС*, (3), 62-77.
- Дугин А.Г. (2014). *Евразийский реванш России*. Москва: Алгоритм.
- Жданов, Н.В. (2003). *Исламская концепция миропорядка*. Москва: «Международные отношения».
- Зыгарь, М. & Гриб, Н. (2009). Трубы веером: Азербайджан готов торговать газом с кем угодно. *Коммерсант*, (4).
- Имам Хомейни. (1999). *Путь к свободе. Речи и завещание*. Москва: «Палей».
- Казаков, А. Ю. (2020). *Лис севера: большая стратегия Владимира Путина*. Санкт-Петербург: Питер.
- Карабущенко, П.Л. (2020). Геополитическая космология: «Слоны Евразии». *Современная наука и инновации*, 2(30), 171-179.
- Косов, Г.В. & Гукасов А.В. (2019). Международный транспортный коридор «Север – Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 212-217.
- Лебедева, И.В. (2019). Евразийский вектор во внешней политике Европы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 218-222.
- Магомедов, А. К. (2011). Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 11(2), 61-71.

- Магомедов, А.К. (1999). *Региональные элиты и региональные идеологии в современной России: Сравнительный анализ; на примере республик и областей Поволжья*. Doctoral Dissertation. Казань.
- Магомедов, А.К. (2002). Каспийский нефтяной транзит и региональные элиты юга России: к формированию новых политических стимулов. *Полития*, 24(1), 84-99.
- Магомедов, А.К. (2019). Международный транспортный коридор "Север - Юг": геополитическое, национальное и региональное измерения. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3(60), 222-224.
- Маккиндер, Х. (2007). Круглая земля и обретение мира. *Космополис*, 2(16), 56-69.
- Мамедова, Н.М. & Санаи Мехди (ред.) (2001). *Иран: ислам и власть*. Москва: Институт востоковедения РАН; Крафт+.
- Маркелов, К.А. (2020). *Большой Каспий в геополитическом измерении*. Москва: Изд. «Экон-Информ».
- Михайлов, В. (2009). Безъядерная зона в Евразии. *Независимое военное обозрение*, (17), 7.
- Муртаев, В. (19 ноября, 2009). Лучше поздно, чем никогда. *Независимая газета*, 6.
- Назарбаев, Н. А. (19 марта, 2009). Евразийский экономический союз: теория или реальность. *Известия*, 7.
- Назарбаев, Н.А. (1997). *Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997*. Москва: «Издательство: Фонд содействия развитию социальных и политических наук».
- Назарбаев, Н.А. (2005). *В сердце Евразии*. Алматы: Атамұра.
- Ниязов, С. (9-12 декабря, 2001). Дружить в ущерб себе не желает никто. *Общая газета*, 5.
- Примаков, Е.М. (2016). *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: Издательство ТПП РФ: «Российская газета».
- Сергунин, А.А. & Тихонов, В.Г. (2009). «Восточное партнерство» и «Большой Каспийский регион»: проблемы и перспективы. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (20), 30-38.
- Уянаев, С.В. (2017). Партнерский формат «Россия-Индия-Китай»: значение, эволюция и перспективы, российско-китайское взаимодействие. В *Современные российско-китайские отношения: сб. статей*. (стр. 234-249). Москва: ДеЛи плюс.
- Уянаев, С.В. (2018). Формат РИК в год 20-летия «инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции. *Проблемы Дальнего Востока*, (4), 31-38.
- Цыганов, О.В. (25 сентября 2008). Ильхам Алиев: прорыв в XXI век. *Известия*, 10.

References

- A time of great presence. Cooperation between Russia, India and China is reaching a new level. (2019). *Russian newspaper*, 90(7848). (In Russian)
- Agaev, S.A. (1989). Ruhama Khomeini. *History Issues*, (6), 79- 100. (In Russian)
- Agamamedova, Z. (2003). Neutrality of Turkmenistan. *International processes*, 1(3), 121-130. (In Russian)
- Aksenova, K.I. (2018). China's foreign policy: from the Utopia of the Polarless World to the Chinese "reset". *Bulletin of the Russian Unta of Friendship between Peoples. Political Science Series*, (1), 22-27. (In Russian)
- Ansari, X. (1999). *Imam Khomeini. Political struggle from birth to death*. Moscow: Paley. (In Russian)
- Brzeziński, Z. K. (1997). *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic books October.
- Dugin, A.G. (2014). *Eurasian revenge of Russia*. Moscow: Algorithm. (In Russian)
- Gadimova, N. (2017). "Trans-Caspian Transport Route: Saving Time." *Caspian News*.
- Gadzhiev, K.S. (2010). *Russia's Geopolitical Horizons: The Contours of the New World Order*. Moscow: Economics. (In Russian)
- Gorak, S. (2007). Turkmenistan after Turkmenbashi: the transformation of personal power regimes. *POLITEX*, (3), 62-77. (In Russian)
- Gou Changchao. (2019). RIC (Russia - India - China) in the System of International Relations: Achievements and Challenges. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, (2), 202-209.
- Hoagland R.E. (2019). The greater Caspian region: competition and cooperation, *Caspian Affairs Magazine*, 10-22.
- Hooson, D.J.M. (1962). A New Soviet Heartland? *The Geographical Journal*, 128(1), 19-29.
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster.
- Imam Khomeini. (1999). *The Way to Freedom. Speeches and testament*. Moscow: "Paleya".
- Kaczmarek, M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union, *International Affairs*, 93(6), 1357–1376.
- Karabushchenko, P.L. (2020). Geopolitical cosmology: "Elephants of Eurasia". *Modern Science and Innovation*, 2(30), 171-179. (In Russian)
- Kazakov, A. Yu. (2020). *Fox of the North: A Big Strategy for Vladimir Putin*. St. Petersburg: Peter. (In Russian)
- Kosov, G.V. & Gukasov A.V. (2019). International transport corridor "North - South": rethinking the landscape of Eurasia (case study of Azerbaijan). *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 212-217. (In Russian)

- Lebedeva, I.V. (2019). Eurasian Vector in European Foreign Policy. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 218-222. (In Russian)
- MacKinder, H. J. (1951). *The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History*. London.
- Magomedov, A.K. (1999). *Regional Elites and Regional Ideologies in Modern Russia: A Comparative Analysis; Using the Examples of Volga Region and Republics*. Doctoral Dissertation. Kazan. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2002). The Caspian oil transit and the regional elites of southern Russia: towards the formation of new political incentives. *Politiya*, 24(1), 84-99. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2011). Political Elites and Political Ideology. Regional elites and regional political challenge in post-communist Russia. *Izvestia Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, 11(2), 61-71. (In Russian)
- Magomedov, A.K. (2019). International transport corridor "North - South": geopolitical, national and regional dimensions. *Caspian region: politics, economy, culture*, 3(60), 222-224. (In Russian)
- Malhotra, A. (2015). *India-Russia-China: Is there a Case for Strategic Partnership?* New Delhi: Vij Books.
- Mamedova, N.M. & Sanai Mehdi (eds.). (2001). *Iran: Islam and Power*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Kraft+. (In Russian)
- Markelov, K.A. (2020). *The Greater Caspian Sea in Geopolitical Dimension*. Moscow: Ekon-Inform Publishing House. (In Russian)
- Marks, S. (2007). Introduction. In Firoze M. Manji and Stephen Marks (eds.). *African perspective on China in Africa* (pp. 3-9). Cape Town: Fahamu.
- McKinder, H. (2007). The Round Earth and the Discovery of Peace. *Cosmopolis*, 2(16), 56-69.
- Mikhailov, V. (2009). Nuclear-free zone in Eurasia. *Independent Military Review*, (17), 7. (In Russian)
- Murtaev, V. (19 November, 2009). Better late than never. *Nezavisimaya Gazeta*, 6. (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (19 March, 2009). Eurasian Economic Union: Theory or Reality. *Izvestia*, 7. (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (1997). *Eurasian Union: ideas, practice, perspectives. 1994—1997*. Moscow: "Publishing House: Foundation for Promotion of Social and Political Sciences". (In Russian)
- Nazarbayev, N.A. (2005). *In the Heart of Eurasia*. Almaty: Atamur. (In Russian)
- Niyazov, S. (9-12 December, 2001). Nobody wants to be friends to their detriment. *Obshchaya Gazeta*, 5. (In Russian)
- Primakov, E.M. (2016). *Collection of works in 10 volumes*. Moscow: Publishing house of CCI of Russia: "Rossiyskaya Gazeta". (In Russian)

- Ramo, J. C. (2004). *The Beijing Consensus*. London: Foreign Policy Center.
- Sachdeva, G. (2006). India's Attitude towards China's Growing Influence in Central Asia. *China and Eurasia Forum Quarterly*, 4(3).
- Sergunin, A.A. & Tikhonov, V.G. (2009). "Eastern Partnership and the Greater Caspian Sea Region: problems and prospects. *Caspian region: politics, economics, culture*, (20), 30-38. (In Russian)
- Tsyganov, O.V. (25 September 2008). Ilham Aliyev: a breakthrough in the XXI century. *Izvestia*, 10. (In Russian)
- Uyanaev, S.V. (2017). Russia-India-China partnership format: meaning, evolution and prospects, Russian-Chinese interaction. In *Modern Russian-Chinese Relations: a collection of articles*. (pp. 234-249). Moscow: DeL plus. (In Russian)
- Uyanaev, S.V. (2018). RIC format in the year of the 20th anniversary of Primakov's initiative: towards the results of the 16th Trilateral Academic Conference. *Problems in the Far East*, (4), 31-38. (In Russian)
- Vartumyan, A.A. (2019). Impact of transport arteries in the Caspian region on the geopolitical position in the Astrakhan region. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(60), 202-207. (In Russian)
- Zhdanov, N.V. (2003). *Islamic Concept of the World Order*. Moscow: "International Relations". (In Russian)
- Zigar, M. & Grib, N. (2009). Fan Pipes: Azerbaijan is ready to trade gas with anyone. *Kommersant*, (4). (In Russian)